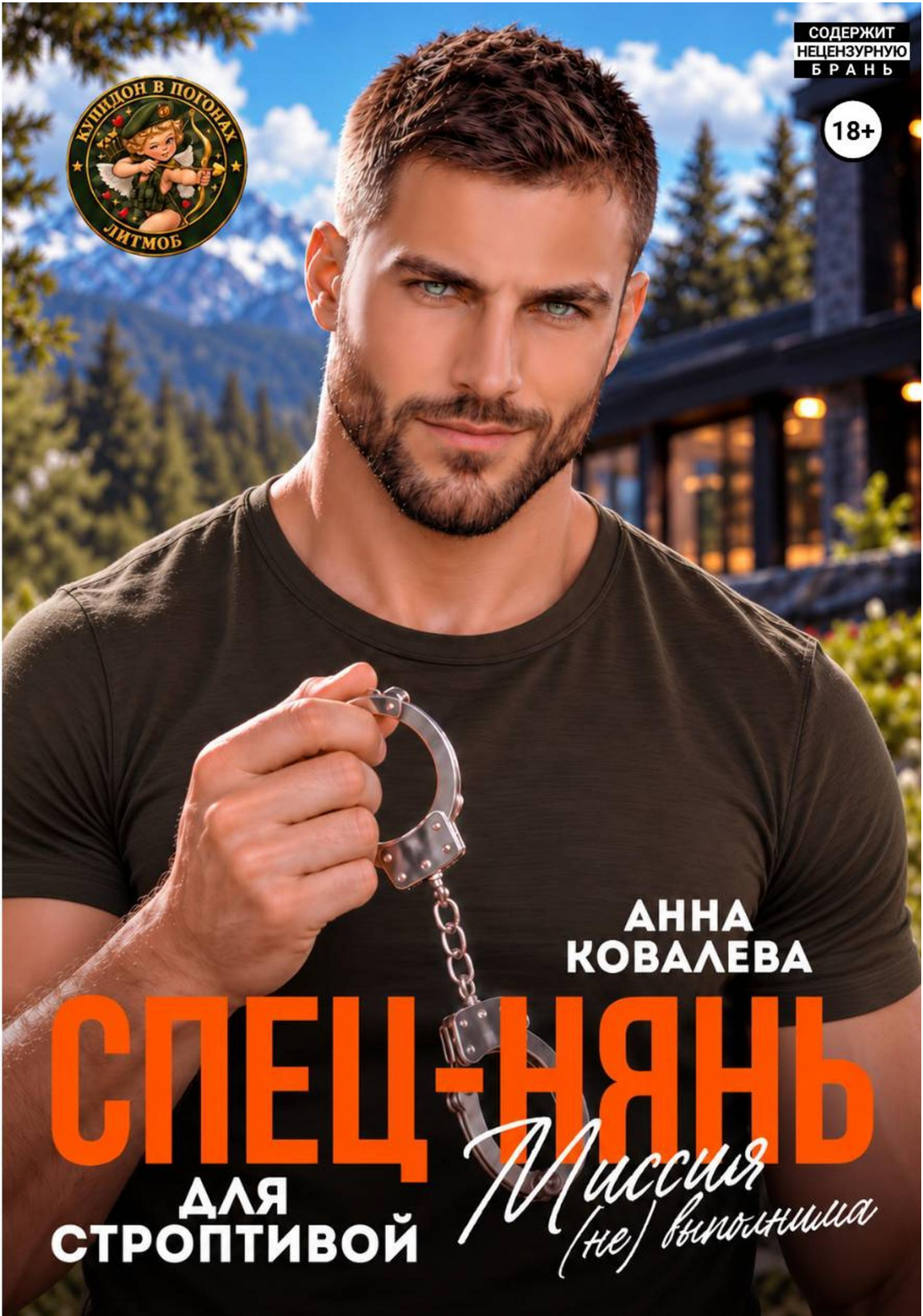

КУПИДОН В ПОГОНАХ
ЛИТМОБ
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+
АННА КОВАЛЕВА
СПЕЦ-НЯНЬ
ДЛЯ СТРОПТИВОЙ
Миссия (не) выполнима

Анна Ковалева

Спец-нянь для строптивой, или Миссия (не) выполнима

«Автор»
2026

Ковалева А.

Спец-нянь для строптивой, или Миссия (не) выполнима /
А. Ковалева — «Автор», 2026

Что может быть хуже, чем попасть под проверку и оказаться отстранённым от службы?Только стать нянькой для избалованной строптивой девицы. Да еще и на всё лето.По своей воле я бы и на километр к ней не подошел. Но мне выбора не оставили, командир отдал приказ. Рыжая стервоза тоже не горит желанием торчать в ссылке в далекой глухомани, и делает всё, чтобы свести меня с ума!Но, как говорится, и не такие метели нам в хлебало летели.Научу я эту принцессу, как нужно Родину любить. Ну, Рыжая! Ну, погоди!

© Ковалева А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 6
Глава 1 9
Глава 2. 13
Глава 3 16
Глава 4 20
Глава 5 23
Глава 6 25
Глава 7 29
Глава 8 33
Г 38
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Спец-нянь для строптивой, или Миссия (не) выполнима

Пролог

Кирилл

— Вы серьезно, товарищ полковник? — смотрю на суровое лицо Семенова и медленно охреневаю.

Нет, я знал, что огребу неприятностей полную панамку после этого задержания. Но не думал, что полковник решит меня отстранить.

Он же меня знает как облупленного.

Видел, что всякое было за годы службы, но при этом даже в самых конченных уродов я не стрелял, если они были безоружны.

Да и не избивал никогда, если не оказывали сопротивления. Просто надевал наручники и запихивал в машину.

Я всегда действовал по инструкции. Ни одного нарушения не было за восемь лет службы. Ни разу не терял головы.

А теперь трындец. Приплыли тапочки к дивану.

Причем Семенов сам, мать его за душу, отпахал в системе двадцать с лишним лет.

Знает, что всякое на службе бывает. И как это бывает.

Тогда какого хрена он творит?

— А я что, на шута горохового похож?! Думаешь, сижу здесь и в бирюльки играю? Развлекаю всех любопытных? — Виталий Палыч рыкнул и стукнул кулаком по столу. — Капитан, оружие на стол. И жетон тоже.

Пиздец… Лютый пиздец…

Сдавать свой Макарыч мне хотелось так же сильно, как отдавать печенку черному трансплантологу.

Поэтому разоружаться не спешил. Стоял и зло зыркал на начальника и раскрытую папку с документами, по которой он нервно барабанил пальцами.

Внутри поднимался отчаянный протест против этой вопиющей несправедливости. Хотелось взять и разнести кабинет по кирпичику.

И Палыч мой настрой чувствовал. Он вообще хорошо считывал настроение своих бойцов.

Знал, что я держусь «на ниточке». И могу взорваться в любую минуту.

Но ни одна мышца на его лице не дрогнула, когда он категорично произнес.

— Сазонов, я тебя, как целку, уговаривать не буду. Сдать оружие — это приказ старшего по званию. Изволь выполнять.

— Так точно, товарищ полковник.

Руки сами собой сжались в кулаки, и я поморщился от боли.

Правая рука дико ныла. Кожа на костяшках снова лопнула, и из ранок начала сочиться кровь.

Помедлив еще немного, снял с плеч кобуру, достал и разрядил пистолет. Протест в душе утихать и не думал, но выбора у меня не было.

Пришлось класть Макаров, магазин к нему и жетон на стол командира.

Семёнов наблюдает за моими действиями всё с тем же непроницаемым видом, а потом кивает.

— Садись давай, в ногах правды нет.

Я медленно опускаюсь на стул. Деревянная спинка неприятно упирается в лопатки, и мне сразу же хочется подняться.

Хочется вырваться отсюда и самому поехать к чёртовой реке, где мужики второй день ищут пистолет Ткачева.

Но вместо этого я упираю локти в колени, опускаю голову вниз и начинаю методично дышать.

Чтобы не сорваться и окончательно себя не закопать.

— Серёга как? — вскидываю на полковника глаза, когда удается немного взять себя в руки.

— Прооперировали. Жить будет. Ранение тяжелое, но организм здоровый, так что вытянет наш Серый. Через два-три месяца снова будет в строю.

Из груди с шумом выходит воздух, который я, оказывается, всё это время сдерживал.

Причем так резко выходит, что становится больно. Грудак сдавливает так, что глаза начинают слезиться.

— В сознании?

— Пока нет, но врачи обещают, что к вечеру должен очнуться. С ним рядом жена и родители. А ты пока не суйся.

Я киваю и покаянно опускаю голову.

Я не стрелял в безоружного. Этого греха на мне нет.

Вмазал по ублюдской роже? Каюсь, было дело. Но виноватым себя не считаю. Обезвреживал опасного зверя, и всего лишь немного перегнул палку.

А вот в том, что напарник оказался на больничной койке — полностью моя вина.

ОТ АВТОРА:

Что ждет нас в книге?

Настоящий мужчина, офицер до мозга костей

Дерзкая героиня, которой палец в рот не клади

Противостояние характеров

Острые перепалки, взаимное притяжение и огненные чувства

ОСТОРОЖНО! В ИСТОРИИ ЕСТЬ НЕЦЕНЗУРНАЯ БРАНЬ
Герой не воспитанник пансиона благородных девиц, без мата в его жизни никак
Откровенных **ЭРОСЦЕН НЕ БУДЕТ**
Рейтинг 18 + стоит за мат, курево и алкоголь.

Глава 1

Мы уже полгода пытались поймать серийного нарколыгу-отравителя. Эта мразь толкала в ночных клубах паленую «синтетику».

На его счету было уже три трупа и десяток тех, кого успели откачать. Но никто из выживших опознать урода не смог.

Во-первых, из-за света стробоскопов и полумрака, мешающих нормальному восприятию и распознаванию лиц.

А во-вторых, из-за того, что отрава сильно била по мозгам. У многих пострадавших была выявлена ретроградная амнезия.

У них из памяти будто ластиком стерли от целого дня до недели жизни. И по срокам возвращения воспоминаний врачи прогнозов не давали.

Говорили, что память может вообще никогда не восстановиться.

А те из пострадавших, чья память была в относительном порядке, как и их друзья, которые не пили отраву, просто не запомнили рожи ублюдка.

Все твердили на один лад: он был обычным.

Обычным, бля…

Ну и как прикажете искать обычного человека среди миллионов таких же?

А мы искали. Носом рыли землю, устраивали рейды по клубам, шерстили сотрудников, трясли всех мало-мальски заметных наркодельцов и просматривали камеры.

Работы было море, о полноценном сне и отдыхе можно было только мечтать.

Но результата при этом — ноль целых, хрен десятых.

Эта падла еще и петляла по городу, меняя маршруты и цели. Даже наш новомодный отдел профайлеров не мог просчитать, где будет нанесен следующий удар.

А клубов в Москве было как блох на бездомной собаке. За всем, что творится в них, не уследишь.

В итоге начали ловить на живца: подключили сексотов из местных проституток и молоденьких курсантов академии.

Они должны были отрабатывать в клубах до самого утра и бдительно следить за всеми, кто будет предлагать выпивку или «веселые колеса».

И, наконец, наши потуги дали результат.

Одна из наших девчонок получила подозрительный пакетик и тут же просигнализировала дежурящей группе.

Входы и выходы в клуб тут же были перекрыты и начался тотальный досмотр всех посетителей.

Эта байда затянулась до самого утра.

Перетрясли всех посетителей и персонал, отправили в вытрезвители пару десятков дебоширов, попутавших берега по синей дыне.

Прошмонали все дыры в клубе, включая шахты вентиляции, но, увы… Зверь не попался в расставленный капкан.

Этим он и отличался от своих «братьев по больному сознанию». Был предусмотрительным и осторожным.

Не оставался наблюдать за агонией жертвы, а вручал свой яд и быстро сваливал.

А потом залегал на дно на неопределенный срок. Причем каждый раз перерывы были разными.

Периодичность его вылазок никто не мог просчитать. Поэтому этот урод и оставался долгое время неуловимым.

Свою порцию удовольствия он получал, смотря ТВ и читая газеты. Наслаждался, читая статьи о себе любимом и о полном бессилии полиции.

По крайней мере, так нам втемяшивали в голову профайлеры.

И на этот раз ему повезло. Скрылся из клуба до того, как началась облава. Причем через черный ход утек, где не было камер.

Но Катерина, так звали курсантку, сумела его достаточно хорошо разглядеть и составить фоторобот.

Так мы и вышли на Ивана Ткачева.

*****

Ну что сказать, Ткачев и правда был обычным.

Среднего роста, тщедушный, с абсолютно невыразительными чертами лица.

Реально — самый обычный мужик.

Маленький человек, так про подобных типусов писали классики.

Вот реально, мимо такого пройдешь — и не заметишь. Взгляд просто соскальзывает с лица.

«Безликий» — такую кличку дали ему журналисты. И попали прямо в точку.

Заподозрить в таком мужичонке маньяка было очень сложно. А уж выцепить среди толпы разношёрстного народа, набивающегося в клубы, и подавно.

Там трется полно подозрительных личностей, которых так и хочется тряхануть.

А этот, как крыса чумная, в шкурке хомяка носился среди шакалов и оставался незамеченным.

И ведь биография была вылизанная. Офисный работник, порядочный с виду гражданин, без жалоб и нареканий со стороны начальства и соседей.

Даже грамоты почетные имел. За активную жизненную позицию и еще что-то в подобном духе.

Неженатый, правда, но в наше время это не повод для подозрений. Я и сам закоренелый холостяк, и жениться не собираюсь.

Но это же не повод считать меня маньячиллой?

В базе отпечатки Ткачева нашлись из-за того, что в юности был задержан по подозрению в воровстве.

Но то дело быстро развалилось за недостаточностью улик.

Вышел парень сухим из воды и больше в поле зрения правоохранительных органов не попадал.

До тех пор, пока наша Катерина его не срисовала.

Правда, и тут всё было не так просто. Хитрая мразь перестраховалась, почистив за собой следы.

Его отпечатков пальцев не было ни на пакете, ни на таблетках. Всё в перчатках делал, выблядок.

Или смазывал руки спецраствором, который не давал пальчикам «осесть» на улики.

Примерно так вода скатывается с мембранной куртки, не впитываясь в ткань.

Хитрый урод. Помнит же, что пальчики в картотеке есть, поэтому осторожничает. Изворачивается.

Так что по факту предъявить нам ему было нечего. Одного фоторобота и химанализа таблеток было мало.

Нужны были более серьезные улики. Так что началась слежка.

Но чуйка у этой падали работала как у хорошего сыскаря. Понял как-то, что по его следу уже идут и затих.

Нападения внезапно прекратились, и наружка никаких результатов не давала.

Ткачев старательно вел жизнь обычного человека: дом, работа, небольшие променады по парку, закуп в Пятёрочке или Магните по пятницам.

Пару раз заскакивал в аптеку и один раз в торговый центр.

Вот, собственно, и всё. Ничего подозрительного.

Два дня назад рано утром мы с Серым сменили парней, чтобы самим попасти этого недоноска.

И на этот раз началась движуха.

Не было и пяти утра, как Ткачев выбрался из своей норы, сел в машину и выехал со двора.

Мы, естественно, последовали за ним, и в итоге приехали в небольшую подмосковную деревеньку.

Старались быть незаметными, спрятали машину в надежном месте.

А после нескольких часов засады в кустах решили немного разведать территорию.

Серый сразу предложил доложить в отдел и вызвать СОБР для захвата.

Но я сказал подождать. Нужны были хоть какие-то зацепки, чтобы вызывать подкрепление.

Иначе и нас, и мужиков из спецназа журналюги с дерьмом смешают. За то, что кошмарим гражданское население по беспределу.

Знаем, не один раз проходили через подобное дерьмо. Горьким опытом ученые, так сказать.

Вот я и решил, что сначала нужно сходить «в разведку». Чтобы поточнее разобраться в ситуации.

Не знаю, как эта мразь нас срисовала, но как-то срисовала.

Внезапно так еще вышло. Ткачев всего лишь перемещался по дому и огороду, причем так вяло и медленно, что я даже начал подремывать.

А потом над ухом раздался громкий вопль Серого:

— Кирюха, подъем! Уходит мразь…

Я тут же подорвался и успел увидеть, как весьма активно улепетывал Ткачев. Как будто ему дробина в задницу попала.

Хотел, видимо, переплыть реку и скрыться в лесополосе, тянущейся по противоположному берегу.

Мы тут же бросились за ним, а эта паскуда начала отстреливаться.

— Кир, уходи на три часа, — заорал напарник, и его предупреждение спасло меня от пули.

Я успел спрятаться за деревом и пригнуть голову. Пуля просвистела над ухом и ушла куда-то в землю.

А следующая попала в Серегу.

От злости прикусываю губу, и рот наполняется противным, металлическим привкусом железа.

А перед глазами встают кадры вчерашнего дня: зеленая, еще мокрая от росы трава, лежащий на ней друг и расползающееся на его левом боку кровавое пятно.

Я помог другу зажать рану, вызвал скоряк и подкрепление, а потом бросился за этим уродом…

Ткачев почти добрался до реки, периодически оборачиваясь и отстреливаясь.

Но не успел уйти в воду, моя пуля зацепила его раньше.

Он вскрикнул и упал в траву, а подняться ему я уже не дал.

Правда, отсутствие пистолета заметил уже позже, когда отмудохал и обездвижил нелюдя.

Почему врезал? Да потому что он откровенно издевался.

Это было мерзкое зрелище, честно говоря. Безумные глаза, полные грязной мути, пена на губах, дикая маниакальная ненависть.

Плевался, исходя слюной. Говорил, что все менты — трусы и слабаки, могут только невиновных вязать. И здорово, что один из нас скоро сдохнет.

Я должен был сдержаться. Надо было снять носок и пасть заткнуть этому уёбищу.

Но я повелся на провокации. Ударил три раза по морде, и тот отключился.

И вот результат: Серега с тяжёлым ранением и удаленной селезёнкой в реанимации, а Ткачев в обычной палате под охраной.

Сразу же адвоката нашел и начал жалобы на меня строчить.

Естественно, прокуратура и УСБ тут же возбудились и инициировали служебные проверки.

А самое противное, что у нас по-прежнему ничего не было, что можно было бы подшить к делу.

Ни пистолета, ни доказательств того, что Ткачев причастен к отравлениям в клубах.

Его дом перевернули сверху донизу, в каждую щель заглянули, но ничего не нашли.

В городской квартире тоже всё было чисто. Ни пылинки, ни соринки, ни самой малюсенькой улики.

Сейчас очнется Серега, даст показания, тогда твердо закроют за покушение на жизнь сотрудника при исполнении.

Но Ткачев, похоже, уверен, что Серый не выкарабкается. Поэтому и хвост распушил, как павлин императорский.

Что ж, будет ему сюрпрайз, когда Фролов очухается и даст показания.

Но до тех пор всё слишком шатко.

Ткачев старательно изображает из себя жертву ментовского произвола. А я главный козел отпущения.

Да, виноват, не спорю, Запороли мы операцию по наблюдению, вовремя не доложили, отряд не вызвали, улик не нашли.

Но в невиновного я точно не стрелял.

Семенов знает это, но тем не менее выбивает у меня почву из-под ног остранением от службы…

Глава 2.

— Кирилл, — внезапно полковник смягчается. Откидывается на спинку кресла, снимает очки и потирает переносицу. — Ты же прекрасно понимаешь, почему я обязан тебя отстранить?

— Если честно, то нет. Ни в зуб ногой, товарищ полковник.

Нет, я понимаю, что грядут проверки. И это сулит всему отделу большие проблемы.

Сукин сын Левченко из УСБ давно на меня зуб точит, уже лет пять у нас жесткие контры.

Буквально спит и видит, гондон штопаный, как выжить меня из органов.

А тут такой прекрасный шанс представился. Не только выгнать с профнепригодностью, но еще и посадить.

Да, ситуация малоприятная для всего отдела, а Семенов думает о благополучии всех сотрудников. И в этом плане, конечно, его решение о моем отстранении самое верное.

Но мне всё равно чертовски обидно.

Он ведь всё знает и понимает. И тем не менее сливает меня.

Причем даже без борьбы. Не попытавшись вступиться

— Виталий Палыч, вы же знаете, что служба для меня — всё. Что я без нее не смогу. И что могу быть полезен в деле. Да я в сто раз усерднее буду носом рыть землю. Закрыть Ткачева на пожизненное для меня теперь — дело чести. Вы же знаете, как было дело.

— Знаю, в твоих рапортах всё расписано. И верю, потому что знаю тебя, капитан, не первый год.

— Тогда почему отстраняете?

— По кочану, твою ж дивизию! Голову включи, наконец… — снова рыкнул Палыч. — И прекрати наматывать сопли на кулак. Если думаешь, что я за погоны свои переживаю, то зря. Но проверки из УСБ и прокуратуры — это не ерунда. Отмахнуться от них я не могу. Ты знатно подставился, капитан. А свое доверие к тебе я, к сожалению, в дело подшить не могу. И майора Левченко оно тоже не колышет…

— Да это я понимаю, Палыч. Но…

— Что «но», Кирилл? Я, конечно, могу сцепиться с начальством Левченко, но это ничего не изменит: закрыть глаза мне всё равно не позволят. Отстранить тебя на время служебной проверки — единственное разумное решение и стандартная процедура, если ты забыл. Вмешавшись в расследование, ты лишь скомпрометируешь улики. Адвокат Ткачева заявит, что их сфабриковал предвзятый полицейский, и суд вполне может их отклонить. И тогда этот подонок выйдет сухим из воды. Даже покушение на Фролова можно вывернуть так, что под следствием окажется сам Серёга. Ты этого хочешь?

Я мотнул головой и зло выругался.

Обуреваемый эмоциями и жаждой возмездия, о таком развитии событий я как-то не подумал.

А ведь такое вполне возможно, мля.

А если будет суд присяжных, то полная звезда всему. Эти наивные додики купятся и оправдают урода.

Сделают из него жертву системы. И пойдет эта тварь снова зло творить.

Скорее всего, в другой регион переберется, потому что слишком сильно здесь засветился. Продолжать свое грязное дело в столице будет опасно.

А ночных клубов полно и в других городах-миллионниках. Выбирай — не хочу. Подождет, пока шумиха уляжется — и снова на дело пойдет.

Не удивлюсь даже, если сменит свой модус операнди. Это будет как раз в его стиле и характере.

— Вижу, что до тебя дошло, наконец, — хмыкнул Палыч. — Это хорошо. Прогресс налицо.

А мне от бессилия захотелось взвыть.

Твою ж мать!

Что ж так херово-то?

Так хочется помочь вывести ублюдка на чистую воду и отомстить за Серого, а не дают. Руки за спиной связали.

— Лучшее, что ты можешь сейчас сделать, — отвечает полковник на мои мысленные вопросы, — это не мешать команде. — Отправляйся домой, отдохни, отоспись. И, ради бога, не наезжай на Левченко. Понимаю, тебе неприятно и обидно, но что делать. Потерпи. Потаскают тебя на беседы, еще рапорты написать потребуют да успокоятся. А ты не возникай и норов свой горячий попридержи в узде. Чем больше будешь показывать характер, тем сильнее тебя будут трепать. Так что вперед домой, подлечивать нервы.

— С нервами у меня всё в порядке.

— Да? Именно поэтому у Ткачева сотрясение, сломан нос и выбито три зуба?

— Тут виноват, но… — я поморщился. — Он провоцировал меня, Серегу задел. А я на эмоциях был… Сорвался…

— Вот и плохо, что был на эмоциях. — Семенов нахмурился. — В нашем деле ВСЕГДА должна быть холодная голова. В любой ситуации. Иначе ждет либо могила, либо тюрьма, либо позорное увольнение с желтым билетом. А я для тебя ничего из этого не хочу. Так что зря ты на меня бочку катишь…

Тут мне становится стыдно, и я снова опускаю голову… Похоже, и правда зря я на Семенова бочку покатил.

Мужик он всё-таки. Настоящий офицер. Умеет и в «лобовые атаки» идти, и измором противника брать.

— Разберемся и без тебя с этим дерьмом, капитан, — выдыхает Палыч. — Посадить этого урода для всех нас — дело чести. Все будут землю носом рыть без сна и отдыха.

— И только я жопой давить диван буду, да?

— Не ссы, на твой век дел еще хватит. Успеешь ублюдков половить. А пока придется побыть вне игры.

— Чёрт, — я выдохнул и нервно провел рукой по волосам. — Надеюсь, вы этого урода быстро прижмете. Пистолет должен быть в реке. Больше ему быть негде. Закопать он его бы не успел.

— Водолазы работают, так что обязательно найдем. Пока, правда, нашли только ил, мусор и три ржавые железки. Но это лишь вопрос времени. Всё дно перероем, если понадобится, но найдем.

Я киваю, надеясь, что поиск не затянется. Найти оружие и провести баллистическую экспертизу жизненно важно.

А еще лихорадочно соображаю, чем могу помочь. В голове вертятся идеи, и я решаю их высказать.

— И еще, не может быть всё так чисто с этим домом. Зуб даю, это не простая дача. Не на шашлыки Ткачев приехал в «Солнечную». И не для того, чтобы порядок навести на участке. Должен у него быть схрон. Либо где-то в доме, либо в лесополосе, которая тянется по противоположному берегу. Иначе он так отчаянно туда бы не рвался.

— Так, отставить, капитан! — Палыч погрозил мне кулаком. — Не делай из нас дураков. Все понимают, что Ткачев не невинная жертва. И этот дом, вероятнее всего, его логово. Не учи батю работу работать. Побольше тебя в жизни повидал, и дел раскрыл немало. Найдем мы улики против этого маньяка. По щепкам всё разберем, если потребуется, но найдем. А сейчас встать!

Я тут же поднялся и вытянулся в струнку.

— Разворот и домой шагом маршшшшшш! И чтобы я тебя без особого распоряжения в отделе не видел.

Глава 3

Три недели спустя

— Здравия желаю, товарищ полковник.

— Да проходи и садись уже, капитан, чай не на построении, — отмахивается Семенов, и я сажусь на тот же самый стул, на котором сидел три недели назад.

— Ну что, — Палыч прищуривается. — Слышал, поди, хорошие новости?

Слышал, конечно. Только ожиданием этих самых новостей и жил последние недели.

Вмешиваться в ход расследования мне было нельзя, но новости от мужиков я тайком узнавал.

За это время чуть не рехнулся от бездействия. Не спасали ни бег, ни силовые тренировки, ни спарринг на ринге, ни алкоголь.

Я уже и на стены, и на потолок начал лезть от безысходности. Вот честное слово, хоть стреляйся.

Но поскольку стреляться приказа не было, приходилось держаться.

Чтобы хоть как-то спустить пар, и не поехать кукухой, прикрепил к домашнему дартсу фотку козла Левченко.

И с утра до вечера с превеликим наслаждением кидал в его самодовольную рожу дротики.

Правда, на пятый день даже это стало надоедать.

По-настоящему радовало только одно: Серега пошел на поправку, и я мог навещать его в больнице.

Друга ожидали долгое восстановление и реабилитация, но угрозы жизни уже не было. И на службу он точно вернуться сможет.

Серега, кстати, остался верен себе. Несмотря на то что лежал на больничной койке, всячески поддерживал меня.

Шутил, стараясь морально поддержать. И перед женой с матерью выгородил. Хотя ответственность за его ранение в любом случае лежала на мне.

И я взялся помочь с реабилитацией. В кредиты залезу, если нужно будет, но другу и его семье помогу.

Серый отнекивался, конечно, но хрен он перебьет мое решение. Если понадобится, со Светкой все финансовые вопросы решать буду.

После того как друг пришел в себя, дело, наконец, сдвинулось с мертвой точки. Он написал заявление, и Ткачев по решению судьи был отправлен в СИЗО.

Адвокат, конечно, бил копытом, пытаясь выставить урода жертвой, а нас с Серегой — преступниками в погонах.

Очень активно добивался смены меры пресечения на домашний арест. И почти добился своего, но как раз в это время водолазы всё-таки нашли в реке пистолет.

Экспертиза подтвердила, что пули и гильзы, найденные неподалеку от реки, как и пуля, извлеченная из тела Фролова, выпущены именно из этого ствола.

При этом на самом стволе, как и на гильзах, были обнаружены отпечатки пальцев, совпавшие с отпечатками Ткачева.

Улики были железные.

Благослови, Господи, криминалистику, которая за последние годы шагнула вперед и научилась даже со стреляных гильз снимать и реконструировать оставленные преступником следы.

А буквально через несколько дней были найдены и схроны ублюдка. Один обнаружили в сарае для инструментов, а второй в том самом лесочке, куда Ткачев так рвался.

Хитро всё обстряпал ублюдок. Если бы не кинологические собаки, еще долго бы мужики искали эту тайную комнату.

А так нашли как раз вовремя, и улики посыпались одна за одной. Там и вещества были, и «пальчики» Ткачева, и даже карта, по которой нашли лесной схрон.

Зверь оборудовал себе убежище, в котором, как мне рассказали, было много интересного.

Там было оружие, предметы маскировки, запасные вещи и поддельные документы.

В общем, готовил подонок себе пути отхода. Знал, что всякое может произойти.

Совсем немного ему не хватило, чтобы удрать. А теперь всё, попался, гаденыш.

Доказухи на несколько томов уголовного дела хватит, так что не отвертится.

Даже для самых сердобольных и наивных как рыбка Дори присяжных улик более чем достаточно.

— Слышал, товарищ полковник, — бодро отзываюсь, выплыв из своих мыслей.

— Ну, тогда сильно распинаться не буду. Прижали Ткачева надежно, невиновным представить себя не выйдет. Срок ему светит капитальный. И за убийства, и за попытки убийства, и за покушение на сотрудника при исполнении.

— В больничку съехать может?

— Может, — Палыч поморщился. — Смотря как разыгрывать сумасшествие будет. Пока же выходит, что он отдавал себе отчет в том, что делает. Слишком уж хитро всё организовано. Он больной на голову, но предельно расчётливый при этом. Так что всё будет решаться на суде.

— Хотелось бы, чтобы не удалось соскочить, — прошипел я.

— Хотелось бы. Но даже если и соскочит на лечение, то попадет в такое место, откуда уже не сбежит. Там «вылечат» с гарантией.

Я оскалился, поняв, куда клонит полковник. Правильно, так и надо.

Таких ублюдков, как Ткачев, жалеть нельзя. Нужно жалеть их жертв, которых уже не вернуть к жизни. И защитить тех, кто еще может пострадать, если они выйдут на свободу.

А то привыкли щадить маньяков, называя это гуманизмом.

А гуманизм на самом деле — обезвреживать их раз и навсегда. А надежно это может сделать лишь могила.

Этот больной мозг уже ничем не исправишь.

— Значит, — я воодушевился и подался вперед, — мне можно вернуться на службу? Раз проверка закончена?

— Можно будет, но не сейчас.

— В каком это смысле? — непонимающе уставился на полковника.

А он с бесстрастным выражением лица протянул мне два листка и сказал:

— Пиши.

— Что писать?

— Рапорт на отпуск.

— Зачем?

— За тем самым! — полковник рыкнул. — Дурачка-то не строй из себя. У тебя неиспользованных дней столько?

— Много, наверное… — пожимаю плечами.

— То-то и оно, что много, Сазонов. Весь отдел кадров уже икает после проверки. И в основном и их, и меня, из-за тебя вздрючили. Решили, что у тебя из-за переработки фляга свистеть начала.

— Нормально у меня всё с флягой.

— Это ты Левченко скажи. Он считает, что ты психологически нестабилен и эмоционально неуравновешен. И к службе тебе возвращаться рано.

— Вот же хуепутало какое, чтоб его в аду черти всем легионом драли…

— Но — но, поговори мне еще, — Палыч погрозил мне кулаком, хотя по тому, как хитро блеснули его глаза, я видел, что он согласен с моей оценкой личности Левченко. — Материться ты можешь сколько угодно, но в отпуск всё равно пойдешь. Так что пиши давай. Как раз до начала сентября выйдет.

— Палыч, ты меня без ножа режешь. Я и так извелся весь…

— Извелся ты по другому поводу. Знаю, что и за друга, и за дело переживал. Но и без тебя разгребли, как видишь. Так что кончай переживать. Поезжай, отдохни, морально восстановись. Дом-то в Озерках не продал еще?

— Нет, конечно.

При упоминании домика в Озерках невольно улыбаюсь.

Озерки — маленькая деревенька в восьми часах езды от столицы.

Я там у деда всё лето проводил раньше. И это время было для меня лучшим в году.

Охота, рыбалка, походы в лес с ночевкой. Столько впечатлений для зеленого мальчишки.

Которые запомнились на всю жизнь.

Деда, правда, давно в живых нет, отца тоже. А домик в Озерках теперь принадлежит мне. Я его немного подлатал: крышу починил, забор новый поставил, мебель частично поменял. Так что жить можно.

Правда, уже два года туда не выбирался, всё времени не было. Аврал был такой, что об отпуске даже не мечталось.

А вот теперь привалило радости полное корыто, едыть-растудыть вашу Машу.

— Ну вот и славно, что не продал. Там и воздух чистый, и природа хороша. Полный релакс поймать можно, как молодежь говорит нынче. Отдохнешь и вернешься бодрым и с укрепленными нервами.

— Палыч, и как долго меня дрочить будут из-за того, что я маньяку по ебалу заехал? Что ж мало так, всего два месяца отпуска? Давай на год без содержания сразу.

— А ты не дерзи. — Семенов нахмурился. — Ткачев и правда маньяк, спору нет. Но когда ты его метелил, доказательств вины на руках у тебя не было. А это уже порочит честь сотрудника правоохранительных органов. И что мы все делать будем, если в следующий раз ты невиновного на больничную койку отправишь?

— Да никогда!

— Не зарекайся. Нервы они такие, могут сдать очень невовремя. И тогда пиши пропало. Если что, проверка по тебе не закончена, а заморожена. Я убедил Левченко дать передышку. Вернешься в сентябре и снова к нему на разговор пойдешь. Ну и на комиссию он тебя отправит. И только после ее положительного заключения и рапорта Левченко, я тебя смогу допустить к работе.

— Заебись, — потер затылок. — Ну ладно, поеду я, отдохну. А потом что? Левченко и осенью может отказную мне выдать. Чисто из личной неприязни. Может, тогда сразу всё решить и не мучиться? Ампутировать ногу, не дожидаясь гангрены? В смысле, рапорт на увольнение жахнуть?

— Да не пыли ты, герой, — Палыч поморщился. — Отрубить конечность всегда успеем. Это дело нехитрое. Только зачем заранее крылья складывать? За два месяца Левченко тоже поостынет, других дел навалится, не до тебя станет.

— Свежо предание, да верится с трудом.

— А ты не в «верю-не верю» играй, а пиши давай… Пиши-пиши, не тяни резину. Другого решения всё равно не будет.

Ну я и написал, что было делать. Семенов бумаги принял, завизировал и одобрительно крякнул.

— С этим разобрались. А теперь скажи-ка, мне вот что, капитан. Дом у тебя в Озерках благоустроенный?

— Ну это с какой стороны посмотреть, Палыч. — усмехнулся я. — Не развалюха, но и не хоромы царские. Ничего не разваливается, крыша не протекает. Отопление — печь с котлом, туалет во дворе, а вместо ванны —банька.

— Отлично, — Семенов хитро прищурился и потер руки. — Для этой засранки самое-то. А то совсем зарвалась. Пусть поживет, попробует стать ближе к народу и природе. Глядишь, будет ценить, что имеет.

— А вот щас не понял, — осторожно произнес я, а чуйка прямо взвыла дурниной.

Такое ощущение сложилось, что мне сейчас в руки сунут коробку с тикающей бомбой.

— А что понимать? Ты едешь в отпуск в Озерки. Но не один, а с особым гостем. Вернее, с гостьей. И это не просьба, а приказ.

От автора: информация о снятии отпечатков со стреляных гильз, взята из исследованийдоктора ЭтныДемпси и д-раКолаМаккивераиз Университета Мейнут (Maynooth University).

Глава 4

М-да. Лучше бы это была бомба.

Потому что хуже бомбы может быть только избалованная и донельзя манерная столичная фифа в качестве нагрузки.

Вот и что я с ней делать буду?

— А подробности будут? — хмуро взираю на неприлично довольное лицо начальства.

Видимо, девица там совсем бедовая, если сам полковник ее с рук сбагрить хочет.

— Ну куда уж без них, слушай. — хмыкает. — Арина Самойлова —моя крестница, дочь моего хорошего друга.

— Самойлов, а это не тот ли…

— Да, Антон Самойлов — владелец сети компьютерных магазинов и салонов по продаже мобильных телефонов. Риша его единственная и очень любимая дочь. Девочка он взрослая, если что, девятнадцать в этом году стукнуло.

— Хмм, и почему же любимый папочка решил отправить дочурку, тем более единственную, в деревенскую ссылку?

— А это не он, это я предложил. Тоха уже не знает, как с ней справиться, Риша совсем от рук отбилась в последнее время. Был бы сын, в армию бы отправил, и вся недолга. А тут приходится изворачиваться.

— Да что она такого натворила? — я выгнул бровь. — Неужели банк грабанула?

— Да если бы. — Палыч поморщился. — Свадьбу своему отцу сорвала.

— Охренеть.

— Нет, ты не подумай, капитан. Риша — девочка неплохая. Горячая, упрямая, дерзкая, но не злобная стерва. Просто избаловал ее Тоха сильно. Мать ее рано умерла, и он дочери двойную любовь старался давать. Внимание, игрушки, одежда, гаджеты — все лучшее, ничего для Риши не жалел. Вот она и привыкла, что весь мир только вокруг нее крутится.

— И тут случился нежданчик. Папахен неожиданно завел женщину. — понимающе хмыкнул я.

— Именно. Серьезно Тоха влюбился, к себе любимую привез, с дочерью познакомил. А Риша в штыки ее приняла. Лена, если что, хорошая женщина. Веселая, понимающая, общительная, без стервозной жилки и желания охомутать богатого мужика. Тоху искренне любит, и с Ариной больше года пыталась найти контакт. Но Риша ни в какую, хамит, огрызается, нервы треплет. Ревность детская проснулась. Ей кажется, что Лена вытесняет ее из жизни отца, вот и злится. Тоха уже все перепробовал, говорил, не станет любить ее меньше, даже если Лена родит ему еще пятерых детей. Но Арина не верит. Упёрлась рогом и делает всё, чтобы развалить их отношения.

— Ну, если с детства дуть в попу, то и не такое будет.

— А ты не суди, Сазонов. Отцом-одиночкой быть тяжело вне зависимости от наличия денег. Свои дети будут, поймешь. Так, о чем я? Ах да, Риша — неплохая девочка, но на этот раз перешла все границы. Свадьбу из-за ее выходок перенесли на середину сентября.

— Ааа, — теперь до меня дошло. — То есть вы хотите дезактивировать мелкую пакостницу? Услать ее подальше от города до сентября, чтобы она не саботировала подготовку к торжеству?

— Молодец, капитан, — Палыч одобрительно хмыкает. — На лету схватываешь.

— Но я не понимаю, зачем ее отправлять со мной в Озерки? Отправьте в Швейцарию куда-нибудь, или на Ибицу…

— Отправим на Ибицу, и пусть Ибица вздыбится, да? — съязвил полковник. — Слишком жирно будет для Риши. Какое же это наказание — сидеть на шезлонге, попивая коктейли, и

любоваться морем? Тем более она и оттуда пакостить будет. Через интернет в наше время можно сделать многое. Нет уж, пусть поживет в Озерках. Без интернета, шика, лавандового рафа и любимых бутиков. Поразмышляет пусть над своим поведением. Может, мозги на место встанут.

— А что она конкретно сделала? — мне даже любопытно стало.

— Да много чего. Вместо нормальных пригласительных напечатали какую-то похабщину. Потому что Риша написала компании на почту и попросила поменять шаблон. Испортила на примерке свадебное платье, якобы случайно пролив на него кофе. Накапала слабительное в кусочки торта при дегустации. Начала слать анонимки отцу, с фотками, якобы уличающими Лену в связи с другими мужиками. Естественно, всё это сделано было с помощью ИИ. Ну и апофеозом всего стал букет черных калл с лентой «убирайся», который она прислала Лене.

— М-да. Ваша Ариша — девушка с очень изощренной фантазией, как я посмотрю.

— Именно. Этот чертов букет Лену и подкосил. Она вообще хотела собрать вещи и уехать. Сказала, что не может жить в семье, где ее так ненавидят. Тоха еле успокоил любимую. Сказал, что не отпустит и с дочерью разберется. Вот мы и судили-рядили потом. И решили, что Аришу до свадьбы надо любым способом удалить из города. Причем так надежно, чтобы не могла даже онлайн вредить.

— И тут подвернулся я.

— Именно. В общем, так, Кирилл. Твоя задача такая: отвезти Арину в Озерки, присматривать за ней до срока, а в сентябре привезти обратно. Сдать с рук на руки, так сказать. И чтобы без происшествий, понял? За девчонку головой отвечаешь. Если с ней что-то случится, пеняй на себя…

И почему я не удивлён такому раскладу? Два взрослых мужика с ссыкухой девятнадцатилетней справиться не могут, а я, значит, должен…

И увезти, и безопасность обеспечить, и проследить, чтобы не натворила чего. А потом в целости обратно вернуть.

А в случае чего — с меня голову без анестезии снимут.

И это называется — отдыхать, расслабляться и восстанавливать нервы? Когда от буйной девчонки глаз нельзя будет отвести?

Да в цинковом гробу я видал такой отдых… Лучше сразу на передовую поехать. Там и то поспокойнее нервам будет.

— Виталий Палыч, — прищуриваюсь, — а вы не видите несостыковки? Какой может быть отдых, когда я вынужден буду круглосуточно следить за вашей сумасбродной крестницей?

— Ну не разочаровывай меня, Сазонов, — Палыч усмехается. — Неужели ты с девчонкой справиться не сможешь?

— Но вы же с другом не смогли.

— А ну, отставить пререкания. Мы с Тохой — совсем другое дело. А тебе все карты в руки. Ничего сверхъестественного от тебя не требуется. Просто присмотреть немного за Риной и вернуть целой и невредимой. Не так уж и сложно. И знаешь, если сопливая девчонка тебя за два месяца доведет до ручки, то в органах тебе и правда дальше делать нечего. Это штамп — профнепригоден!

— Знаете, — буркнул я, задетый этими словами до глубины души. — Вам бы лучше было сбагрить вашу принцессу кому-нибудь с дипломом психолога. На крайняк — педагога. От тех был бы толк. Объяснили бы ей быстро, что к чему в этой жизни. А меня к роли няньки для взбалмошной девчонки в академии не готовили, уж простите.

— А ты и не нянька, — развел Палыч руками. — Я не прошу тебя вытирать Рише сопельки и кормить манной кашей. Ты скорее телохранитель. Ни больше, ни меньше. И, кстати, это не бесплатно. Тоха тебе заплатит сполна. И за содержание дочери на эти два месяца, и отдельно за «службу». Внакладе не останешься.

— Даже так? — я был удивлен, честно говоря. Но отказываться от денег не собирался.

Не отдохну, так хоть заработаю.

А там чем черт не шутит. Может, еще и понравится быть бодигардом. Опыта хоть наберусь.

И если из полиции всё же турнут, буду знать, куда податься.

— Именно так. Деньги вечером передадут с курьером. Так что будь на связи. Вопросы есть?

— Есть. А вы не думаете, товарищ полковник, что ссылка вашу и без того несносную крестницу еще больше разозлит? И она на самой свадьбе закатит скандал, отыгрываясь за долгую изоляцию от благ цивилизации?

— Надеюсь, что Риша всё же образумится, а не ударится в обиды еще сильнее. Я в нее верю. Но вообще, капитан, — грозит мне пальцем. — Что будет на свадьбе — уже не твоего ума дело. Мы с Тохой с этим сами разберемся. Главное, верни Арину в целости и сохранности.

Ага, ясно — понятно. «Иван, туда ходи, сюда ходи, а вот сюда не ходи, а то секир-башка тебе будет».

— Еще вопросы есть? — спрашивает Палыч, сведя брови к переносице. Явно показывая этим, чтобы лишнего я больше не спрашивал.

Намек я понимаю и задаю самый насущный вопрос:

— Так точно. Когда мы с объектом выдвигаемся на точку?

— Через три дня нужно будет выехать. Надеюсь, успеешь за это время закупить всё необходимое?

— Да десять раз успею.

— Отлично. Тогда свободен, капитан…

Из кабинета Семенова выхожу в довольно бодром настроении. Заглядываю в кабинет к мужикам, где следующие полчаса мы пьем кофе и перетираем задержание Ткачева.

О своем вынужденном отпуске тоже упоминаю. Только вместо поддержки мне почему-то завидуют.

Эх, их бы отправить на мое место. И довесок в виде Арины передать. Чтобы у них о ее безопасности башка болела.

Но этот груз поручили именно мне.

Так что придется страдать и героически превозмогать.

Внезапно накрывает острым желанием затянуться, и, оказавшись на улице, я стреляю сигаретку у сержанта Петрова.

Курю я редко, но метко, что называется. Когда душа просит. А сейчас она не просто просит, а требует. Причем матом.

Ну вот и как ей отказать, родимой?

Делаю пару затяжек и с наслаждением выпускаю дым в воздух… Потом еще парочку, и как-то отпускает постепенно.

Спокойствие и уверенность окутывают душу, и я смотрю на грядущую «работку» практически с оптимизмом.

Ничего, справимся. Как говорится, и не такие метели нам в ебало летели…

Глава 5

За три дня я успел полностью подготовиться к поездке. Закупил всё, что посчитал нужным для двухмесячной вахты в деревне.

Именно рабочей вахты, да. По-другому я просто не мог это воспринимать.

Кстати, папашка Арины расщедрился, деньги мне перевел не просто неплохие, а охеренные. И это только аванс, как мне сказали.

Остальное получу осенью, после того как доставлю груз «1000» под крылышко любимому папеньке.

Нехилая заначка будет, если с работы всё-таки вылечу из-за гондона Левченко. Пару лет могу спокойно жить и не тужить.

Конечно, часть денег отводилась на расходы, но в этом плане я человек экономный и цену каждому рублю знаю.

Еду закупал самую обычную, то, чем питаюсь сам: крупы, макароны, консервы, масло, муку, чай, сахар, печенье и приличные полуфабрикаты.

Мясо можно будет на месте у Васильича купить, у Марфы Петровны взять яйца, молоко парное и домашний сыр, а у Семёновны домашних фруктов, ягод и овощей.

А за рыбкой я до реки прогуляюсь, в Озерках уловы хорошие: там не только леща, карася да окуня, но и щуку с сазаном поймать можно.

В общем, с голоду умереть не получится ни в коем разе.

А без королевских креветок, мраморной говядины и фуа-гра проживет королевна спокойно.

Тем более Семенов сам сказал, что девчонка должна стать ближе к природе и народу.

А ближе к народу ни за что не станешь, если будешь жрать икру осетра в три горла да коллекционным шампанским запивать.

Мария-Антуанетта с ее незабвенным «жрите пирожные, если нет хлеба» не даст соврать.

Все мы помним, чем в итоге это закончилось.

Так что ничего, голод не тетка. Будет Риша трескать обычный борщ и жарёху с сальцем и разносолами как миленькая.

И вместо равандового лафа… Тьфу ты черт, весь язык сломаешь, пока выговоришь это идиотское название…

Вместо лавандового рафа будет пить нормальный русский чай со смородиной и яблоками.

Или какао, на крайняк, им я тоже закупился…

А изыски и деликатесы потом лопать будет, как с папашкой помирится.

Так что с выбором продуктов не заморачивался. В основном закупился хозтоварами, бытовой химией и постельным бельем с полотенцами.

Ну и в аптеке смел всё, что было не приколочено.

Палыч, конечно, сказал, что Арина — девушка здоровая, аллергией не страдает, но мало ли что… Раз я за нее головой отвечаю, то должен перестраховаться.

До ближайшего города и областной больницы два часа езды, так что все средства первой помощи должны быть под рукой.

И я запасся капитально: бинты, стерильные салфетки, спирт, перекись, жгуты, антигистаминные, антибиотики нескольких видов.

А также таблетки от головной боли, порошки от температуры, спреи от заложенности носа и боли в горле.

Конечно, в случае чего можно было бы и у соседей попросить, но у них тоже запасы не резиновые.

Как и в местном фельдшерском пункте.

Так что лучше быть в полной боеготовности, чем носиться с горящим пердаком в поисках лекарств.

*****

К жилому комплексу, где проживала дочь Самойлова, я подъехал к десяти утра.

Я бы выдвинулся часиков в восемь, но для барышни, видите ли, было слишком рано.

Это же надо было в целых шесть часов утра встать, марафет навести и позавтракать успеть. Такое неприемлемо для принцесс.

Как только она в институт ходит с таким режимом? Или не ходит, а так, всего лишь в списках значится?

А потом будет щеголять купленным дипломом в руграмме? Тьфу!

Хотя мне-то какая, спрашивается, разница?

У меня задача предельно четкая: увезти объект из столицы, чтобы бате малину не портила, приземлить немного нашей деревенской жизнью и в целости вернуть обратно.

А остальное уже не мое дело, пусть об этом любимый папочка волнуется.

Паркуюсь прямо у нужного подъезда и выхожу наружу.

Осматриваю двор и хмыкаю. Да уж, красиво жить не запретишь. Мне на квартиру в таком доме за всю жизнь не накопить.

Палыч со своей принцессой что-то не торопится выходить, так что достаю сигарету и закуриваю…

Куревом, кстати, тоже запасся. И, чует мой копчик, правильно сделал. Моим нервам точно понадобится экстренная «поддержка штанов».

Вот, всего пару раз затянулся, и уже хорошо… И птички поют веселее, и трава зеленее, и небо голубее…

Ляпота, одним словом.

Успеваю сделать еще несколько затяжек, а потом дверь подъезда открывается…

Первыми выходят парни Палыча с чемоданами, следом сам Палыч, а после него —мой «объект» …

— Ебать ту Люсю, — выдыхаю я, и окурок падает на землю…

Глава 6

Дааа…

После откровений Палыча я знал, что девчонка Самойлова — та еще оторва. И подозревал, что головной боли принесет мне немало.

Но эта Арина… Она, блядь, не просто головная боль. Она одна охеренная проблема.

Мне хватает одного взгляда на нее, чтобы понять, что это капитальный попадос.

Она ведь не просто девушка, а бомба ходячая. Причем секс-бомба.

Высокая, стройная, ноги из-за коротких шорт кажутся просто бесконечными.

Вместо нормальной футболки на ней надет топ-рубашка, подчеркивающий грудь и оголяющий животик.

Ну и как вишенка на торте — огненно-рыжая копна волос, собранная в высокий хвост.

И нахально-самодовольное выражение на смазливой мордашке.

Глаза дерзкие, большие и зеленые, как у ведьмы. Нос маленький и аккуратный, а губки прямо созданы для первородного греха.

Принцесса скользит по мне взглядом и строит недовольную гримаску, как будто перед ней положили живого таракана.

А я в это время представляю, как она стоит на коленях и с усердием заглатывает мой болт.

Как пухлые губки обхватывают твердый ствол, вбирая его до самого корня. Как юркий язычок дразнит чувствительную головку, а потом проходится по всей длине.

Как я наматываю ее роскошную рыжую гриву на кулак и…

Да пиздец… Тело реагирует на девчонку чересчур остро, «дружок» в штанах такие активные признаки жизни подает, что я с трудом сдерживаю стон.

И тут же обрываю свои фантазии, чтобы не светить перед командиром каменным стояком.

Хотя он тоже хорош.

Я офицер и человек чести, конечно, но всё-таки мужик, а не евнух в гареме. Должен же он это понимать.

Неужели не мог попросить девчонку одеться поприличнее? А батя ее куда смотрел?

Я бы свою дочь с левым мужиком, пусть и сотрудником органов, хер бы выпустил в таком виде.

Но зато понятно, почему она такую херь творит. Налицо явное попустительство со стороны близких.

Если даже замечание по поводу одежды ей батя сделать боится, то чего об остальном говорить?

С укоризной смотрю на Палыча, но его разве прошибешь? Смотрит на меня таким же бесстрастным взглядом, как обычно.

Лишь правую бровь немного кверху вздернул, как бы спрашивая:

Мол, в чем проблема, капитан?

Да действительно, бля, в чем проблема?

Да в том, едрить вас в коромысло, товарищ полковник, что я здоровый мужик с вполне естественными потребностями.

А ваша крестница и так ходячий соблазн, а в такой одежке — вдвойне.

Прикрываю на минутку глаза, гася ненужные сейчас реакции тела, и мысленно втолковываю своему полунапрягшемуся «бойцу»:

— А ну-ка, лежать, дружище. Не для нас с тобой эта розочка цвела. Слишком высокого полета пташка. Лежать, я сказал. Не подводи меня под эшафот… Да и себя тоже.

Ведь Палыч, если узнает, какие мысли у меня в голове бродят, сразу за яйца подвесит.

И оправданий никаких слушать не будет.

Бля, и чего я по бабам не походил перед отправкой на добровольно-принудительную вахту?

С пустыми яйцами сейчас всяко легче было бы.

Но сначала настрой в ауте был, все мысли были поимкой Ткачева заняты. Потом к поездке готовился и даже в клубешник напоследок заглянуть не успел.

Даже Машке не позвонил. А она — девка безотказная и горячая. Готова дать в любое время дня и ночи.

Но я чего-то проебался с этим. А теперь поздняк метаться.

Придется ехать с «полным баком» и тренировать выдержку.

Почти как в армии, бля.

Слава богу, справиться с возбуждением удается, и я с облегчением выдыхаю. И с тоской смотрю на упавшую на асфальт сигарету…

Кажется, мало я купил курева, ох, мало…

— Кирилл, это моя Арина, — тем временем произносит Семенов. — Арина, это капитан Кирилл Сазонов. У него в доме ты эти два месяца будешь гостить.

— Да говорите правду, дядя Витя, не стесняйтесь, — фыркает пигалица. — Не гостить, а находиться в ссылке.

— А кто в этом виноват? Кто плохо себя вел, а, Риша? Ничего страшного, тебе полезно будет пожить за МКАД. Посмотришь, как люди живут, свежим воздухом подышишь, от гаджетов своих отдохнешь.

— Доброе утро, Арина, — произношу я из вежливости. — Здравия желаю, товарищ полковник. К отбытию полностью готов. Осталось только вещи загрузить.

— Добро, парни, грузите.

Полковник дает отмашку, и его бойцы быстро грузят на заднее сиденье несколько чемоданов.

— А что, — Арина спрашивает презрительно, окинув взглядом мою машину, — я поеду вот на этом корыте?

Я аж зубами заскрипел.

Вот же цаца какая.

Нормальная у меня тачка, нормальная! За которую мне, между прочим, еще пять лет автокредит выплачивать.

— Ну извини, — усмехаюсь, — роллс-ройсов и кабриолетов в автопарке не имею. Так что будем ехать на этой «лошадушке». Машина зверь, проходимость отличная. На бездорожье проезжает как танк.

Принцесска снова фыркает, а Палыч хмурится и грозит ей пальцем.

— Арина! Мы же договаривались, что ты будешь вести себя прилично? Ты отправляешься не в ссылку, а на отдых. Чтобы проветрить голову и подумать над своим поведением. И Кириллу нервы трепать не надо. Это тебе всё равно не поможет и нашего с Тохой решения не изменит. Ты поедешь в Озерки, и точка. Хоть на Ниве, хоть на Весте, хоть на Буридановом осле. Поняла меня? Всё, хватит препирательств, пошли.

Арина еще сильнее надувает губки, но Семенов на это не ведется. Целует в щеку и быстро запихивает крестницу в салон.

А потом подходит ко мне и протягивает ладонь.

— Ну, с богом, капитан…

— С богом, командир.

— И ты это, — косится на машину, — держись там. Арина умеет играть на нервах, но ты не поддавайся на ее провокации. Стой на своем, как стоишь на защите Родины. Как только поймет, что прогнуть тебя не получится, сразу присмиреет. Главное, не давай на шею садиться.

— Да уж постараюсь.

— Тогда вперед и с песней, — хлопает по плечу. — И отзвонись, как до места доберётесь.

— Будет исполнено, товарищ полковник. — прощаюсь наигранно бодро, запрыгиваю в салон и выезжаю на дорогу.

Взгляд невольно скользит по голым девичьим коленкам, и я мысленно матюкаюсь.

Неимоверным усилием воли поднимаю взгляд вверх и замечаю, что принцесса без ремня.

— Пристегнись.

— А если не хочу? — усмехается. — Что ты мне сделаешь?

— А если ремнем по заднице? — парирую.

— Ну давай, попробуй, — смотрит с вызовом. А ведьминские глазищи огнем начинают полыхать. — Я тогда дяде Вите и отцу скажу, что ты на меня руки поднимал. И вообще, нанес мне тяжкие телесные. А это статья. Статья…

— Статья 111 УК РФ, — хмыкаю. — Учи матчасть, Арина. Тогда твои угрозы будут звучать солиднее. Еще что придумаешь?

— Хмм, — и действительно задумывается ведь, засранка. — Скажу, что ты меня принуждал к интиму… Против моего желания.

Ну зараза, как она есть. Эх, сразу видно, в детстве не пороли, а только целовали в задницу. Поэтому и выросло такое ЧУДО.

От слова ЧУДОВИЩЕ.

Старательно подавляю растущее в душе раздражение и произношу бесстрастно.

— Да звони хоть сейчас, кричи в трубку «спасите-помогите». А я потом покажу запись с нательной камеры. Пусть увидят, как всё было на самом деле. Как думаешь, куда папочка тебя сошлет за такую наглую ложь? А за такое, кстати, тоже статья полагается.

— И где же у тебя камера? — тут же вскидывается и начинает внимательно меня осматривать. — Вроде бы крепить некуда.

Тут напрашивалась характерная рифма, но я в последний момент удержался…

И вовсе не потому, что пожалел девичьи ушки. Тут мои уши надо жалеть. Эта стервочка уже две статьи на меня навесила.

Походя так, легкой ручкой с изящными пальчиками. И без всяких угрызений совести.

А тупо потому, что у меня не было такого органа. И слава богу, что называется.

— В Караганде, — шиплю сквозь зубы. — Так что делать будем, м? Пойдешь ва-банк? Или всё-таки пристегнешь гребаный ремень?

Естественно, я блефовал. Никакой камеры и даже банального микрофона под футболкой у меня не было.

И в этот момент я отчаянно об этом пожалел.

Потому что сильно подозревал, что эта язва рыжая могла претворить свои угрозы в жизнь.

Но, к счастью, она на мой блеф купилась. Пристегнула ремень безопасности, надулась, как рыба фугу, и отвернулась к окну.

Ну вот и ладушки. Сразу бы так…

Минут двадцать мы ехали спокойно.

Я был предельно сосредоточен на дороге и даже на соблазнительные ножки не косился.

Мой «младший капитан» после словесной стычки окончательно успокоился и пошел в отгул.

Понял, видимо, что красотка Арина дурная на все извилины, и в ее сторону лучше даже не шевелиться.

В этом мы с ним были заодно. Чувство самосохранения сильно так объединяет, знаете ли.

Я уже начал расслаблять булки, решив, что принцесса со своей участью смирилась и бузить больше не будет.

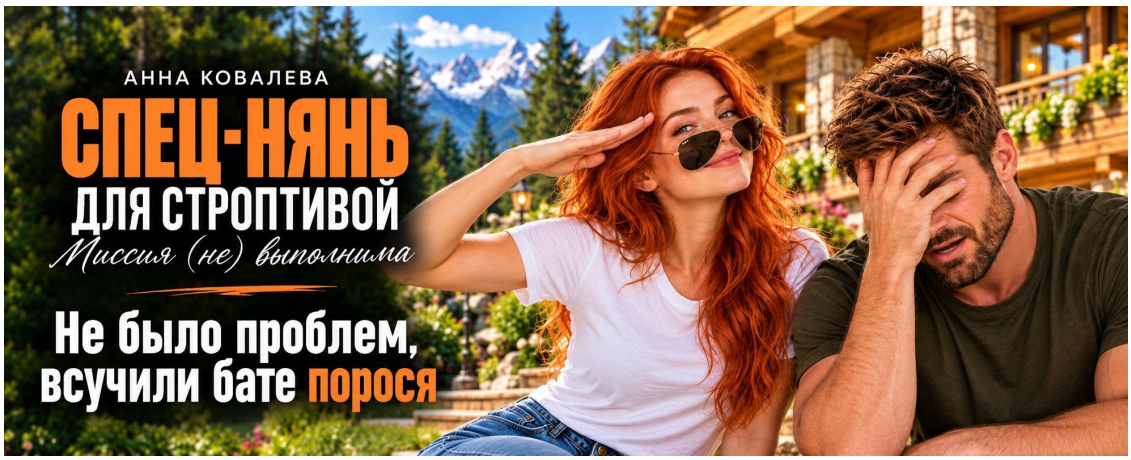
Но хер там плавал, как оказалось.

Спустя двадцать минут она начала шевелиться и полезла в свой розовый рюкзачок, стоящий явно больше, чем моя годовая зарплата.

— Товарищ капитан, — промурлыкала так внезапно и томно, что я едва не пропахал бампером зад впереди идущей машины.

И помахала в воздухе золотой кредитной карточкой.

— А может, мы всё-таки договоримся?

Глава 7

— А может, мы всё-таки договоримся? — спрашивает слащаво-приторным тоном.

А мне хочется в этот момент взять эту стервочку и правда выдрать. Причем буквально.

Перекинуть через колено и отходить по жопе ремнем. Так, чтобы неделю сидеть не могла.

Жаль, это в мои полномочия не входит. Поэтому приходится сдерживаться.

— И что же ты имеешь в виду под словом «договориться»? — спрашиваю из любопытства.

Даже интересно стало, что за коварные планы роятся в этой головке.

— Имею в виду компромисс, — тут же воодушевляется она. — Я не хочу ехать в твою тьмутаракань, а тебе вряд ли хочется всё лето пасти меня.

— Надо же, и как ты об этом догадалась?

— А я вообще девочка умная. Поэтому и предлагаю идеальное решение.

— И какое же? — выгибаю бровь.

— В Подмосковье у меня живет подруга. Ее родители как раз до начала сентября улетели на Багамы, и она сейчас в доме одна. Ну, если не считать прислугу. Отвези меня к ней, а потом поезжай в свои Озерки. А на обратном пути заедешь за мной и отвезешь к отцу. И мы оба сделаем вид, что всё лето я провела с тобой. Клянусь, я буду осторожной. В город выезжать не собираюсь, не дура же. Даже за территорию дома выходить не буду, чтобы ни одна мышь меня не заметила. В Интернет буду выходить с другого профиля, так что папуля ничего не просечет. А если ты мне потом скинешь фотки из этих Озерков, я через чат ГПТ нагенерирую целую кучу достоверных фоток.

М-да. А девчонка-то стратег. Целый план разработала. Еще и нейросети приплела, чтобы фальсификат состряпать.

Хотя ей не впервой, судя по рассказу Палыча. Такой палец в рот не клади, сразу откусит.

Я молчу не потому, что раздумываю всерьез над предложением. А потому что переваривая услышанное.

Хотя врать не буду, предложение весьма заманчивое.

Избавиться от такой «гостьи» мне бы очень хотелось. Только есть одно громадное НО!

Отпускать Арину в свободное плавание — всё равно что оставить ядерную боеголовку посреди города.

Пиздец будет примерно схожих масштабов.

Ну и потом, офицер я, или кто? Раз дали приказ, надо выполнять любой ценой, а не искать лазейки, как скинуть груз с плеч.

Так что придется два месяца возиться с этой бедовой девчонкой.

— О, я самое главное забыла, — добавляет с широкой улыбкой. — Я за твое согласие заплачу. Очень хорошо заплачу.

— Денег-то хватит хоть? — насмешливо фыркаю.

— Обижаешь. Заплачу достаточно. Считай, урвешь двойной куш. И от меня, и от папули бабосики получишь. Плюс от моего общества избавишься. Так что даже в тройном выигрыше останешься.

Я спецом выдерживаю паузу, для пущего драматизма, а потом качаю головой.

— Прости, Арина, но за деньги я не продаюсь. Так что план остается без изменений — мы едем в Озерки.

Рыжая стервоза, естественно, тут же надувает и без того пухлые губки и смотрит на меня уничтожающим взглядом.

— Да что ты? — язвит. — А у моего отца деньги взял за милую душу. Или это другое?

— Да, другое. — пожимаю плечами. — Это называется работа, Арина. Я понимаю, тебе такое понятие пока незнакомо, но пора бы уже и познакомиться. Работа — это труд, за который полагается оплата. Даже если этот труд «неофициальный», за него платят деньги. Присматривать за тобой — моя работа на это лето. Неофициальная, да, но работа.

— А то, что я тебе предлагаю…

— Это называется взятка и подкуп, — усмехаюсь я. — За такое обычно увольняют с формулировкой «утрата доверия» и еще статью уголовную присобачивают сверху.

Принцесса замолкает, но дышит шумно и сверлит меня испепеляющим взглядом.

И вскоре я этого не выдерживаю.

Как только машина надежно встает в пробке, разворачиваюсь к Арине и произношу строго.

— Слушай, Ариша, в одном ты права. Мне пиздец, как не хочется эти два месяца с тобой возиться. Даже за те деньги, что твой пахан мне отвалил. Я бы с радостью отказался и вернулся на родную должность. Но выбора мне просто не оставили. Для нас с тобой это принудительная ссылка. От которой ну никак не отвертеться. Так что слушай теперь мой вариант компромисса. Ты перестаешь ебать мне мозги, ведешь себя послушно и тихо, и мы это время проживем в спокойствии и относительном комфорте. Давай сохраним друг другу здоровье и нервы, лады? Если не можешь изменить ситуацию, меняй к ней свое отношение, слыхала такую мудрость?

— Вот только не надо меня жизни учить. — прошипела зло и отвернулась к окну.

— Будешь вести себя нормально, не буду. А если продолжишь трепать нервы, то извини… Честно говоря, уму-разуму поучить тебя не помешает. Отец и Палыч явно не справляются, жалеют как ребенка…

— Да много ты знаешь.

Ух, как глазам сверкнула, змеюка. Ну ведьма, как она есть.

— Уж побольше твоего знаю, вижу и понимаю.

—Пффф…

Снова фыркает и замолкает обиженно.

Но мне до ее обидок дела нет. Я и сам обидеться могу. Хотя бы за то, что она меня под статьи подвести хотела.

Так что ничего, пусть обижается сколько влезет. Надоест рано или поздно.

Некоторое время мы так и едем в тишине, я смотрю на дорогу, Арина в свое окно.

— Сколько нам ехать до этого Озерного? — спрашивает так же недовольно.

— До Озерков. Еще часиков шесть с половиной.

— Мрак какой… — страдальчески закатывает глаза. — Можно я хоть музыку включу?

— Валяй…

Я не заподозрил в этой просьбе никакого подвоха. А зря, как оказалось.

Потому что спустя пару минут из динамиков полилась какая-то лютая херобора, от которой у меня начали сворачиваться в трубочку уши:

Ты вошёл в мою судьбу без стука и бахилов,
И я сразу же забыла имена всех бывших крокодилов.
Я хотела быть загадкой, интересной и прекрасной,
Но сказала: «Будешь чай?» — и сделалась на всё согласной.

Обнимай меня за талию —
Мне с тобой лучше, чем в Италии.
Ты подарил мне кусочек рая
И от чувств своих я улетаю…

— Арина, — скрипнул зубами, — включи что-нибудь другое. Пожалуйста.
— Да не вопрос…

Betsy — Джаред, babe — как лето, Betsy — лето, как жара
Так что милый мальчик будет прыгать и сгорать

Ой, пакуйся в мою Bentley, полезай в мой beauty box
Ты мой sigma boy, но я желаю твоих слёз, понял?

Sigma, sigma boy, sigma boy, sigma boy
Каждая девчонка хочет танцевать с тобой

На этих строчках у меня задергался правый глаз.
Это что за блядский пиздец…
И главное, хрен проссышь, она реально «это» слушает, или меня так довести до трясучки пытается…
— Арина, я же попросил что-нибудь нормальное включить?
— Эта песня — самый писк моды. — хитро так стрельнула глазками. — Что тебе не нравится?
— Не всё, что модно, то нормально. — рявкнул я. — Такое я слушать не хочу.
— Ну ладно, ладно, я сейчас переключу…

Ты мой бантик, я твоя резинка,
Вместе мы красивая картинка.
Я твой пуфик, а ты — диван
Зажигательный у нас роман!

Мы от нежности сияем,
Даже ламп не зажигаем.
Ты мурлыкни мне: «Родная!» —
И я сразу в тапочки растаю!

Да твою ж мать! Она точно издевается, сучка рыжая!
Не выдержав этого розово-попсового треша, я начал щелкать кнопками, пока не наткнулся на нормальную радиостанцию.
Там крутили нон-стопом старый добрый русский рок.

Рок-н-ролл жесток, грязь и чистота
Между ними ток плавит провода
Рвёт сердца в пожар, души в лоскуты
Может, это дар, может — яд беды

Выжжены глаза пылью всех дорог
К чёрту тормоза, рок-н-ролл жесток
Между двух границ неба и земли
Крылья певчих птиц опалят угли

Ух, сразу от сердца отлегло.

Вот эту музыку я понимаю… А если слушать то, что включала Самойлова, можно очень быстро попасть в дурку.

— Эй, — тут же возмутилась и попыталась переключить радиостанцию, но я не дал.

— Это моя машина, — рыкнул, — и в ней я буду слушать то, что я хочу, понятно? А свою хренотень слушай в наушниках, андестенд?

— Йес, товарищ надзиратель, — нагло показала язык, вставила в уши наушники и опять отвернулась к окну.

Нет, всё-таки зря ее в детстве не пороли. Ой, как зря…

От автора: в тексте использованы строки из песни «Сигма-бой»,автор слов Михаил Чертищев.

Строки из песни «Рок-н-ролл жесток» группы Алиса, автор слов Константин Кинчев.

Остальные строки — Анна Ковалева.

Глава 8

В тишине и покое мы проехали часа два.

Арина всё так же сидела, демонстративно отвернувшись к окну, и слушала музыку в наушниках.

А я еще никогда так не был рад игнору со стороны женщины.

Если женское молчание — золото, то молчание Самойловой — платина. Вот пусть и дальше молчит.

Главное, чтобы в голове своей никаких коварных планов не строила.

И нет, я не был женоненавистником или сексистом. К нормальным женщинам я относился нормально.

А ко всяким шибанутым на всю Матильду, уж извините… Каков привет, таков и ответ, что называется.

Дуть в задницу высокомерным стервам не собирался.

К сожалению, нормальные женщины мне попадались редко, поэтому я и стал закоренелым холостяком и циником.

Одному как-то проще. Никто мозги не выносит, ничего не требует, не упрекает уровнем зарплаты и не ревнует почем зря.

Ничего личного, просто потрахались и разбежались, вот таков был мой девиз.

Я ему упорно следовал и выбирал женщин со схожим мировоззрением. А их в нашем веке было очень и очень много.

Да и столица — город большой. Угодья для съема практически безграничны, учитывая, сколько юных и не очень провинциалок приезжают в Белокаменную каждый год.

Трахать не перетрахать, как говорит Яшка Зацепин.

Вот я и трахал, по мере надобности и позывов организма.

А любовь… Любовь — это выдумка для подростков, умалишенных и наивных дур.

В нее я не верил с тех самых пор, как вернулся из армии.

Училась со мной в школе хорошая, как мне казалось тогда, девочка по имени Лида. Умница, спортсменка, красавица.

В десятом классе мы с ней начали дружить, и я отчаянно влюбился. Мечтал, что вырастем, окончим универ, поженимся и детей нарожаем, на радость родным.

А потом… потом был выпускной и повестка из военкомата.

Лида провожала меня, обнимала, целовала. Клялась, что обязательно дождется.

Ну а я ей верил, как последний дурак.

Даже когда письма от нее стали приходит всё реже, а потом и вовсе иссякли, о плохом не думал.

Решил, что это наша почта косячит и теряет бумаги в пути. До последнего верил, что Лида ждет меня.

А после дембеля вернулся в столицу и узнал, что моя «благоверная» уже полгода как замужем.

Нашла себе сынка богатенького бизнесмена и упала в его объятия.

Даже не сочла нужным мне об этом написать, объясниться и извиниться.

Первым порывом было найти ее, потрясти хорошенько и в лживые глаза посмотреть.

Спросить, куда же делась любовь, в которой она мне так яростно клялась?

И почему даже прощальное письмо не написала?

А потом… После того как протрезвел, выйдя из недельного загула, плюнул на все.

На хрена искать ту, которая так подло предала и унижаться перед ней?

Пусть живет, как знает…

На этом моя вера в любовь и брак и закончилась. Всё это сказки для простачков.

Нет никакой любви на свете.

Страсть, основанная на химии гормонов, есть, да. Есть расчёт, удобство, привычка и уважение, симпатия или желание получше устроиться в жизни.

А вот любви нет.

Так зачем, спрашивается, связывать себя узами брака? Чтобы потом вернуться из очередной командировки и узнать, что ты рогатый олень?

А потом еще и без имущества остаться при разводе? Нет уж, спасибо. Мне такого не надо.

Нет ничего в жизни лучше и честнее свободных отношений. Никакой лжи и пустых обещаний, только голый секс во имя взаимного удовольствия.

Это меня вполне устраивало.

И глядяна то, как живут коллеги, понимал, что сделал правильный выбор.

А Серега… Это редкое исключение, которое лишь подтверждает правило. Жена у него замечательная, действительно и в огонь за ним пойдет, и в воду.

Но и то там не любовь, а дружба, симпатия и уважение. Ну и высокие морально-личностные качества у обоих супругов.

Другу я о своих соображениях не рассказывал, само собой. Пусть называет это любовью, если ему так хочется. Главное, чтобы счастлив с женой был.

А я уже познал правду жизни и выбрал единственно верный путь. Сходить с которого не собирался.

Именно поэтому меня так напрягала необходимость два месяца возиться с Самойловой.

Не привык я жить под одной крышей с женщиной. Да еще с такой, которую нельзя ни выставить за дверь, ни трахнуть хорошенько.

Вообще не представлял, как мы будем уживаться вместе.

Пока что решил сосредоточиться на дороге, чтобы доехать до Озерков без происшествий.

А там война план покажет.

— Капитан…— Арина, наконец, подала голос и даже соизволила повернуться ко мне передом. Лицом, в смысле. — Нам еще долго ехать?

— Чуть больше четырех часов…

— Капец. Я есть хочу.

— Ну извини, ресторанов в округе нет и не предвидится. Ближайшая заправка будет через час, но там из еды только кофе и шоколадки.

— И что, теперь до вечера терпеть? — в ужасе округляет глаза.

Меня это так забавляет, что я решаю еще немного помучить ведьмочку. Сдаюсь, лишь когда слышу жалобное урчание ее желудка.

— У меня есть с собой перекус. Только губу не раскатывай сильно, там обычные пирожки, яблоки и кофе.

— Ну ладно, — выдыхает, будто делая мне одолжение. — Давай свои пирожки, если ничего получше нет.

Вот же принцесса ёпрст. С досадой закатываю глаза, но съезжаю на обочину и достаю пакет и термос.

— Вот, — поднимаю подставку между креслами, ставлю в отверстия для стаканов два бумажных стаканчика, а посередине два пакета с пирожками и пакет с яблоками. — Вот в этом с капустой, а в этом — с картошкой, яйцом и луком.

— Фу, гадость какая! — Арина презрительно кривится, глядя на пирожки как на кузнечиков в кляре.

Да, конкретно так избаловал дочку папуля. Раз пирожки для нее не еда. С голода же так помрет, без своих роллов, гребешков и хрен его знает еще каких деликатесов.

Но это уже не моя проблема. Будет отказываться жрать, позвоню Палычу. Пусть кладут принцесску в больничку и кормят там перинатально.

Или возвращают в Москву.

Ответственность за ее голодовки я точно нести не хочу. Не я ведь ее разбаловал так, а значит, не мне и отвечать.

Принцесса мнется, вздыхает, а потом демонстративно достает яблоко и откусывает.

Я хмыкаю, разливаю по стаканчикам кофе из термоса, а потом достаю пирожок с капустой и начинаю есть.

Краем глаза при этом наблюдаю за тем, что делает Арина.

Она доедает яблоко, скидывает огрызок в пакетик для мусора и тянется к стаканчику с кофе.

Делает пару глотков и ставит стакан обратно.

С тоской косится на несчастные пирожки, вздыхает тяжело, а потом всё-таки вытаскивает пирожок с картошкой и откусывает маленький кусочек.

Лицо, конечно, при этом у нее своеобразное. Усиленно жую второй пирожок, чтобы занять рот и откровенно не заржать.

Голод всё-таки не тетка, не настолько принцесса крепкий орешек, чтобы до смерти себя голодом заморить.

Сразу приобщаться к народу начала, как прижало.

— Фу, какая гадость. — поморщилась, доев пирожок. И тут же потянулась за вторым. А потом и третий сцапала, но уже с капустой.

Классика, что уж… «Какая гадость эта ваша заливная рыба! Дайте двойную порцию!»

Впрочем, ладно, главное, что лопает и в обморок от голода не упадет. Уже одной головной болью меньше.

Я быстро расправляюсь еще с парой пирожков, допиваю кофе и выхожу покурить.

Почему бы и нет, раз всё равно у нас перерыв на перекус?

Ух-х, кайф какой…

Да, курение зло для организма, но в этот момент для меня оно благо… С наслаждением выкуриваю сигарету и возвращаюсь в салон в приподнятом настроении.

И вместо «спасибо» сразу же слышу упрек…

— Фу, от тебя воняет куревом! — Арина морщит носик, а я невозмутимо выгибаю бровь.

— И что? Я же не в машине курил.

— Но всё равно же пахнет! Моя одежда пропитается этой вонью. И вообще, курить вредно, товарищ капитан. Завязывать нужно!

— Какой завязывать? Я только пару дней, как развязал. Очень захотелось, знаешь ли.

— И почему, интересно?

— Да потому что мне тебя всучили! — съязвил. — Как после такого не закурить?

— Да… вы… да ты… да идите вы, товарищ капитан! — тут же вспыхнула и раскраснелась вся от негодования.

И смотрит так возмущенно, желая сжечь взглядом дотла. И это вместо простого «спасибо».

Вот она женская благодарность. Поэтому я никогда и не женюсь.

Зачем мне такое сомнительное «счастье»?

— И куда я должен пойти из своей машины?

— Могу уйти я. Вот хоть прям сейчас.

— Ага, разбежалась. Всё, харе препираться. Пристегивайся и погнали…

Сердито сверкнула глазами, но спорить не стала на этот раз. Быстро пристегнула ремень и снова отвернулась к окну.

Правда, на этот раз игра в молчанку длилась недолго.

— Капитан, — пробурчала спустя полчаса. — Я хочу в туалет. Сильно.

— Да не вопрос. Сейчас остановлюсь.

— Что, прямо здесь? — шокировано на меня уставилась.

— Ну да, — пожимаю плечами. — Спрячешься за кустиком и сделаешь свои дела. Обещаю отвернуться, чтобы ты не смущалась.

— Но-но-но — аж заикаться начала — А если меня кто-то с дороги увидит? Из проезжающих машин?

— А ты писай по-быстрому, и никто не увидит. Здесь не такой плотный транспортный поток. А если и увидят, то только голову. Так в чем проблема?

— Для тебя, может быть, и не проблема, а я так не могу, — скрещивает руки на груди в знак протеста. — Это по-варварски. Ужас же. Неужели нигде нет биокабинок?

— Добро пожаловать в реальный мир, — хохотнул я. — Тут местами и дороги-то нет. Какие тебе биокабинки? Единственные нормальные туалеты на заправках. И альтернатива им — кусты на обочине. Так что либо терпи, либо иди и ссы в кусты.

— Спасибо, я лучше потерплю.

— Ну, смотри сама. Но если намочишь мне сиденье, заставлю драить всю машину. Три раза!

— Отцу и дяде Вите пожалуюсь.

— На что на этот раз? На принуждение к труду? Так они только рады будут, поверь. Потому тебя в ссылку и сослали. Как говорил многоуважаемый товарищ Дарвин, труд даже из обезьяны сделал человека. И из тебя обязательно сделает.

Принцесса зло фыркнула и замолкла. А я не смог сдержать довольной улыбки.

Вроде пока всё идет неплохо. Таким макаром к сентябрю Ариночка и правда станет послушной и шелковой.

Правда, радовался победе я недолго. Потому что спустя десять минут эта засранка начала закидывать меня вопросами.

Почти как осел из мультика про зеленого огра.

— Ну когда уже эта заправка будет?

— Скоро.

— Долго еще?

— Нет, еще немного осталось.

— Да когда мы уже приедем?

— Как только, так сразу! — рявкнул я, не выдержав. — Смотри в окно и сама увидишь.

Я реально почти дошел до ручки с этой стервозой. Оплетка руля нещадно трещала, так крепко я стискивал баранку.

И когда впереди показалась знакомая заправка с небольшим магазином, готов был взвыть от радости.

Но Арина, зараза такая, удила закусила. Даже не пошевелилась, когда машина остановилась у топливно-раздаточных колонок.

Я уже и машину заправил, и чуть назад сдал, припарковавшись, а она всё сидела истуканом.

— Так, принцесса. Ты вроде в туалет хотела. Так шевели ластами, я до вечера тут торчать не буду. А больше нормальных туалетов не будет, только кустики. И про мойку машины я не шутил так-то. Надудонишь — будешь мыть весь салон своими нежными лапками. Ну так что?

Ведьмочка сверкнула злобным взглядом, но рюкзачок всё-таки схватила и выскочила из салона.

Вот так бы сразу. Но нет, мозги же надо поделать было. Без этого, видимо, ей и жизнь не мила.

Я проводил Арину до женского туалета, сам зашел в мужской и быстро сделал свои дела.

Когда вышел, Арины еще не было в зале, и я спокойно пошел оплачивать бензин.

Подвоха никакого не ожидал, мимо меня принцесса проскользнуть никак не могла. Поэтому стоял у кассы и спокойно ждал…

До тех пор, пока сердитая мамаша с двухлетним ребенком на руках не начала стучать в дверь.

— Девушка, ну сколько можно? Вы там уже больше десяти минут сидите… Мы тоже в туалет хотим, поторопитесь!

И вот тут меня прямо подкинуло!

А сколько, собственно, времени Арина находится в туалете?

Быстро глянул на часы и понял, что понятия не имею. Не засекал.

Но чуйка задергала, и я поспешил к двери.

— Простите, — оттеснил женщину и начал долбить в дверь. — Арина, ты там живая?

Ноль реакции…

То ли спецом молчит, то ли упала, ударилась головой и валяется там в бессознанке.

— Арина, — угрожаю, чтобы прекратила дурить, — если не отзовешься, я сейчас вышибу гребаную дверь.

Специально дёргаю за ручку. Не слишком сильно, но чтобы поняла, что я не блефую.

Но ответом мне снова было молчание.

Так что я поднапрягся и резко дернул ручку на себя. Благо замок был совсем хлипенький, и со второго рывка дверь распахнулась настежь…

И я моментально охренел, увидев перед собой пустой туалет и распахнутое небольшое оконце, расположенное высоко, но точнехонько над унитазом.

— Да разъеби меня береза…

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.